

Жаклин Уилсон
Девчонки и слезы
Серия «Девчонки», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8271851
Уилсон, Жаклин. Девчонки и слезы : роман: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72330-0*

Аннотация

Когда плачут девчонки? Когда их не понимают самые близкие люди и когда им не нравится, как они выглядят, еще когда они ссорятся с подругами, бойфренд оказывается предателем, а дома неприятности. И когда им очень, очень, очень одиноко! Так же, как одиноко сейчас Элли, после того, как она обиделась на Надин, порвала с Расселом, разочаровалась в Магде и накричала на отца. Жизнь кажется Элли разбитой чашкой, которую никогда не склеить. Но так ли уж никогда?

Содержание

1	5
2	9
3	13
4	17
5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Жаклин Уилсон

Девчонки и слезы

Jacqueline Wilson

Girls in tears

Text copyright © Jacqueline Wilson, 2002

Illustrations copyright © Nick Sharratt, 2002

This edition published by arrangement with David Higham Associates Ltd.
and Synopsis Literary Agency

Соколинская А., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

* * *

Хорошо иметь подругу. А еще лучше – сразу двух. И чтоб обе – самые близкие. Элли, Магда и Надин учатся в девятом классе. Эту великолепную тройцу я придумала всего за полчаса! Я гостила у своей дочери Эммы, и она терпеливо обучала меня пользоваться ее компьютером. У меня нелады с техникой, и я очень медленно усваиваю новые вещи. Из-за непривычного расположения букв на клавиатуре я без конца делала ляпы, и это изрядно расстраивало и даже раздражало.

В конце концов я решила немного развяться и сочинить какую-нибудь историю про подростков. Я напечатала заголовок – «Три девчонки». Пусть первую девочку зовут Элли, подумала я и напечатала «Элли». Она будет рассказчицей. Элли – веселая, с богатой фантазией и способностями к рисованию. Она совсем не красавица с умопомрачительной фигурой, а самый заурядный подросток и слегка обеспокоена своей полнотой. Я наградила свою героиню маленькими круглыми очками, копной непослушных кудрявых волос – и осталась очень довольна собой.

У Элли, конечно же, должна быть подруга – странноватая девочка-гот. Пальцы словно сами настучали имя «Надин». Пусть она увлекается альтернативной музыкой и одевается во все черное. Надин более отчаянная, чем Элли. Она из тех девчонок, которые могут целый день жевать шоколадные батончики и при этом оставаться тонкой, как тростинка.

Третью девочку – блондинку и хохотушку – я назвала Магдой. Магда помешана на мальчишках, слегка избалованна, но при всем при этом верная подруга.

Вот так. К тому времени как я закончила первую страницу, у меня уже были три героини, я освоила новую клавиатуру и была готова начать повествование.

Об Элли, Магде и Надин вышло четыре книги. «Девчонки и слезы» – четвертая книга из этой серии. Элли, Магда и Надин попадают в истории, которые заканчиваются для каждой из них довольно плачевно. А в какой-то момент они серьезно ссорятся – помиряются ли они снова?

Жаклин Уилсон

1

Девчонки плачут от счастья

В жизни не догадаетесь, что со мною происходит! Я счастлива до беспредела. Хочется смеяться, петь, кричать, и даже тянет всплакнуть. И не терпится поделиться своей радостью с Магдой и Надин.

Я спускаюсь к завтраку, маленькими глотками прихлебываю кофе и грызу гренок, при этом руку аккуратно пристраиваю рядом с тарелкой – пусть все видят!

Жду, когда кто-нибудь обратит на нее внимание. Блаженно улыбаюсь папе и Анне, моей мачехе. Даже посылаю улыбку братцу Цыпе, хотя у него простуда и из носа текут противные зеленые сопли.

– Элли, ты чего скалишь зубы? – гнусавит Цыпа, не переставая жевать гренок с толстым слоем клубничного джема. У нас нет масла, и Анна выдала ему двойную порцию джема. – Хватит на меня пялиться.

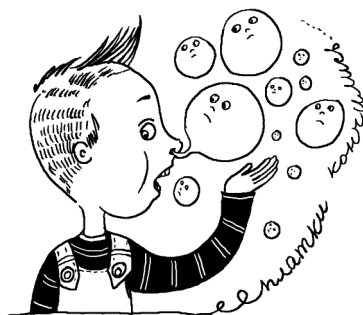
– Больно ты мне нужен, Соплюшкин. Можно подумать, на тебя приятно смотреть.

– Ну и не смотри. Я и не собираюсь никому нравиться. – Цыпа так громко шмыгает носом, что мы все морщимся.

– Сынок, дай спокойно позавтракать, – папа легонько шлепает Цыпу газетой «Гардиан».

– Возьми платок, Цыпа, – бросает Анна, не отрываясь от блокнота, в котором она чертит выкройку очередного свитера.

Ладно, может, я чересчур многого хочу от папы и Цыпы, но ведь у Анны глаз наметанный.

– Платки кончились, – победоносно заявляет Цыпа, выдувая из ноздрей пузыри.

– Ой, точно. Вчера не удалось зайти в «Уэйтроуз», – говорит Анна. – Тогда оторви кусок туалетной бумаги.

– Где я ее возьму? – Цыпа вертит головой, точно к нам на кухню вот-вот должны ворваться щенки, как в рекламе, и приволочь рулоны туалетной бумаги. – Мам, ты чего рисуешь? Кролика? Дай посмотреть.

Он тянет к себе лист. Анна не выпускает его из рук. В итоге бумага рвется пополам.

– О боже, Цыпа, я мучилась с этими кроликами с шести утра! Пойди в туалет, возьми бумагу и немедленно высморкайся! Я уже от тебя устала, слышишь?

Цыпа вздрагивает и обиженно сопит. Он выбирается из-за стола и трусливо пятится вон из кухни, в руке – половинка листа бумаги. Он виновато бросает добычу на пол и кидается к дверям, губы у него дрожат. В следующий миг из холла доносится громкий рев.

– Анна, он плачет, – говорит папа.

– Слышу. – Анна берет новый лист бумаги и опять принимается за эскиз.

– Какая муха тебя укусила? Он всего-навсего хотел посмотреть. – Папа складывает газету и встает, на лице его написана мука. – Пойду успокою беднягу.

– Давай, – говорит Анна сквозь зубы. – Он ведь и твой сын тоже, хотя когда он ночью пять раз просыпался из-за заложенного носа, ты, насколько мне помнится, спал как сурок.

– Неудивительно, что у него забит нос, раз ребенок не может высморкаться. Почему, скажи на милость, в доме нет ни носовых платков, ни масла? Я, признаться, полагал, что это предметы первой необходимости.

– Кто бы спорил. – Анна продолжает рисовать, но рука у нее чуть дрожит. – Они появляются словно по волшебству, потому что один из нас каждую неделю таскается в супер-маркет.

Это просто невыносимо. Еще немного, и от моего приподнятого настроения не останется и следа. Пальцы на магической руке сжимаются в кулак. Что такое творится с папой, Анной и Цыпой? Почему они никак не уймутся? Неужели папе так трудно пойти Анне навстречу и раз в неделю ходить за продуктами? Неужели Анне так трудно придержать язык? Неужели Цыпе так трудно высморкаться? Почему вместо всех этих элементарных вещей они устраивают дурацкую сцену: папа кричит, Анна вот-вот заплачет, Цыпа орет, будто его режут?

Это я подросток. Это мне положено вопить дурным голосом и истерически хохотать. Но только взгляните на меня. Я Элли Брызжащая Весельем, а все потому, потому, потому, потому...

Я вытягиваю руку и демонстративно растопырываю пальцы. Анна поднимает голову. Смотрит на меня. Бросает мимолетный взгляд на мою руку. Но ее голубые глаза остаются пустыми. Она ничего не видит вокруг себя, кроме своих дурацких кроликов.

Я подхватываю рюкзак. Прощаюсь с Анной и папой. Они меня едва замечают. Я отыскиваю поникшего Цыпу в ванной на первом этаже и обнимаю его. И совершенно напрасно. Цыпа тыкается мокрым носом в мой школьный пиджак, и на нем остается зеленая слизь. Затем братишка поднимает на меня глаза.

– Элли, ты чего такая добренькая? – спрашивает он подозрительно.

В нашей семье корчить из себя госпожу Добродушие и Ласку – пустая трата времени. С таким же успехом можно вредничать и ныть.

– Хорошо, когда я вернусь, я буду злой как фурия, – шиплю я, скаля зубы и изображая руками, будто кого-то душу.

Цыпа нервно хихикает – видно, он не уверен, шучу я или говорю серьезно. Я протягиваю руку, чтобы взъерошить ему волосы, но он уклоняется. Тогда я улыбаюсь и пулей вылетаю на улицу – у меня нет ни малейшего желания слушать, как Анна с папой ссорятся на кухне.

Папа и Анна ведут себя так, будто терпеть друг друга не могут. Даже жутковато становится. Странно: ведь когда папа только женился на Анне, я ее на дух не переносила. Отдала бы все на свете, лишь бы они разошлись. Я считала ее исчадием ада. Но тогда я была совсем маленькой. Многого не понимала. Мне казалось, что Анна пытается занять мамино место, и за это я ее ненавидела.

Мама умерла, когда я была совсем крохой. Но я до сих пор каждый день о ней вспоминаю. Не то чтобы постоянно, в основном когда на душе мутно. Я люблю мысленно с ней общаться – мне кажется, она мне отвечает. Естественно, я прекрасно понимаю, что сама придумываю эти беседы. Но все-таки на сердце становится легче.

Раньше я думала, что ходить с Анной по магазинам или смотреть по телику «Друзей», прикорнув рядом на диване, – подло и гадко по отношению к маме. От этого я чувствовала себя очень скверно и срывала раздражение на Анне – хотелось ей тоже подпортить настрое-

ние. Но сейчас вижу, насколько была глупа. Можно ведь хорошо относиться к Анне и любить свою мамочку. Все проще простого.

В конце концов, у меня есть две лучшие подруги, и я не извожу себя вопросами, кого люблю больше: Магду или Надин. Я люблю их обеих, а они обожают меня – скорее бы им показать, что у меня есть!

Я бегу на автобус – хочется попасть в школу пораньше. Сворачиваю за угол, крутя рюкзаком, и налетаю прямо на блондина, в которого когда-то втюрилась с первого взгляда. Парня Моей Мечты – правда, оказалось, он голубой. Впрочем, и не будь этого, – зачем такому писаному красавцу намного старше меня бочкообразная очкастая девятиклашка с кудлатой головой, которая каждые десять минут краснеет, точно ее мажут румянами?

Ну вот, опять вспыхиваю.

– Привет. Снова спешишь? – ухмыляется он.

– Ой, извини. Стукнула тебя рюкзаком по коленке?

– Вроде того. Но я тебя прощаю. В школу, что ли, не терпится?

От удивления брови у меня ползут вверх. Корчу гримасу:

– Учеба – не моя стихия, примерной ученицей меня точно не назовешь. Просто хочется поскорее увидеться с подругами.

– Завидую я девчонкам – у них всегда есть что обсудить. У парней тоже бывают приятели, но между ними нет настоящей близости. Ну пока, еще увидимся.

– Пока. Постараюсь в следующий раз в тебя не врезаться.

Оставшуюся часть пути я иду пританцовывая и раскачивая рюкзаком. Неужели мы подружимся? Какой же он симпатичный! Несколько месяцев назад я была бы уже на седьмом небе от счастья – парила бы выше звезд, выделявала пируэты среди планет и носилась мимо солнца. Сейчас мне, конечно, приятно, но не более того. Парень как парень. Знаю, у него есть друг – ну и что, у меня тоже есть.

Рассел мне дороже самого распрекрасного принца. Точнее, он и есть распрекрасный принц. Вот так. Я в нем просто души не чаю. А он во мне. Вчера вечером я в этом убедилась. И мне не терпится похвастаться Магде и Надин!

Я мчусь со всех ног, вскакиваю в автобус, приезжаю в школу, а подруг еще нет. Впервые за два с половиной года я пришла раньше их. Определенно, сегодня не совсем обычный день.

Ну же, Магда и Надин! Куда вы запропастились? В классе уже сидят несколько зубрил вроде Анны. Интересно, каково это – быть круглой отличницей и звездой класса? Правда, по рисованию я легко заткну ее за пояс, а все прочее меня мало беспокоит.

Обожаю рисование. Мой папа преподает в художественном училище. Говорят, я пошла в него. Но мне хочется думать, что я пошла в маму. У нее тоже был художественный талант. У меня сохранилась потрясающая книжка с картинками, которую она для меня нарисовала,

когда я была маленькой. Это чудесные истории про мышку по имени Мертл. У нее большие фиолетовые уши, маленькая сиреневая мордочка с острым розовым носиком и голубые усики – в тон ярко-синему хвосту.

При мысли о Мертл у меня щемит сердце. Может, нарисовать продолжение маминой сказки? Мне нравится придумывать мультяшных персонажей. Мое любимое творение – слоник Элли, и он чем-то похож на меня, а я уж точно не мышонок по габаритам. Своими пропорциями смахиваю на толстокожего бегемота, впрочем я решила не комплексовать по этому поводу.

В прошлой четверти я сидела на дурацкой диете и чуть не довела всех до ручки. Сходила с ума, если съедала чуть больше ложки творога и листика салата. Бананы я не ем даже сейчас, ведь в каждом из них – семьдесят пять калорий.

Ну наконец-то! В класс плывет Надин, темные глаза сияют, длинные черные волосы обрамляют белое как мел лицо. Надин удаётся выглядеть как королева готов даже в школьном свитере и юбке. Правда, сегодня не скажешь, что в ее лице нет ни кровинки. На щеках алые пятна. Это единственный признак того, что Надин не на шутку взволнована. Она изо всех сил старается сохранить маску невозмутимости, но в глазах пляшут колдовские огоньки.

Я машу ей. Но она глядит куда-то мимо меня. В знак приветствия только шевелит пальцами с черными перламутровыми ногтями.

– Слушай, Элли, в жизни не догадаешься, о чем я сейчас тебе расскажу!

Она так тарыхтит, что я не могу вернуть даже словечко, не то чтобы поделиться своей потрясающей новостью.

2

Девчонки плачут, когда подруги говорят обидные вещи

Так себя вести вполне в стиле Надин! Я ее нежно люблю, хотя ей всегда хотелось меня перещегоолять. Когда мы были совсем крохами, я не могла нарадоваться своей первой в жизни Барби, самой обычной, без всяких выкрутасов, а Надин получила в подарок коллекционную Барби – Королеву Ночи, с длинными волосами и в красивом темно-синем платье до пола. Куклу полагалось хранить в прозрачной пластиковой коробке, но Надин ее достала, расчесала ее пышные волосы и заставила летать. Синие юбки развевались, когда Королева Ночи колдовала и наводила чары. Моя плебейская Барби не шла с ней ни в какое сравнение. И та отказалась с ней дружить. Сказала, что она глупая, примитивная, не способна сотворить ни единого волшебства и годится разве что в служанки. Так что пришлось моей Барби быть у Королевы Ночи на побегушках и выполнять всю черную работу. Такое положение вещей ее мало устраивало – и меня тоже.

Затем мама Надин обнаружила, что волосы Королевы Ночи все в колтунах, а на юбке дыра – слишком уж энергично она занималась магией. Королеву Ночи конфисковали и заключили в пластиковые хоромы, а Надин на две недели было строго-настрого запрещено с ней играть. Но запрет мало смутил Надин. Она высунулась из окна своей комнаты и стала вопить так, что прохожие останавливались от испуга:

– Помогите! Мама меня заперла и выбросила ключ!

Когда мне исполнилось десять, мне впервые позволили пойти на школьную дискотеку в туфлях на высоких каблуках – Надин заявила в остроносых сапожках на шпильках. Во время танцев она трижды шлепнулась, но все равно выглядела что надо.

Потом мы перешли в среднюю школу, и стало еще хуже. Надин постоянно меня обгоняла – первые месячные, первый поцелуй, первый бойфренд. Лиам полнейший придурок, но внешне он довольно смазливый, а кроме того, ему восемнадцать. Они расстались, потому что Надин узнала про него кучу гадостей, – и все-таки она вспоминает о нем с грустью. Вернее, вспоминала до сегодняшнего дня.

– Элли, я познакомилась со сногшибательным парнем! Он очень классный, можно сказать, мой идеал и само совершенство. Кажется, будто я сама его выдумала.

Надин приподнимает одну бровь. У нее это здорово получается. Легкий намек на то, что некоторые придумывают себе бойфрендов и настолько вживаются в свои фантазии, что городят ложь за ложью. Некоторые – вроде меня. Я поддалась соблазну, когда Надин объявила, что встречается с Лиамом. Магде, моей второй лучшей подруге, вообще ничего не стоит закадрить любого мальчишку, на которого она положит глаз. Я чувствовала себя настолько выброшенной из жизни, что наплела им про Дэна, парня, с которым познакомилась во время каникул в Уэльсе и который успел меня изрядно достать. Превратила его в писаного красавца и супермена. Начала врать, и меня понесло. Здорово, что больше не нужно сочинять небылицы. Придумывать байки про Рассела. Тем более теперь... Я смотрю на руку. Широко растопыриваю пальцы.

– Элли, ты меня слушаешь? – спрашивает Надин. – И кстати, зачем ты нацепила это пошлое малышовое колечко?

Голова у меня дергается, точно она вlepила мне пощечину. Я отшатываюсь, не веря собственным ушам. Как только у нее повернулся язык! А еще подруга называется. Взять и плюнуть мне в душу. Я смотрю на Надин до тех пор, пока белое лицо и длинные черные волосы не превращаются в пятно.

– Элли, что с тобой? Ты плачешь?

– Ничего я не плачу, – огрызаюсь я. По щекам у меня катятся слезы.

– Элли, я тебя обидела? – Надин обнимает меня за плечи.

Я пытаюсь вырваться, но безуспешно.

– Ну же, Элли, скажи. Я правда не понимаю – ты ведешь себя так, будто я сделала что-то ужасное. Ну, подколола тебя из-за кольца. Подумаешь.

– Ты сказала, оно пошлое, – жалобно бормочу я.

– Но оно действительно пошлое. У нас Наташа носила такое, и у нее весь палец позеленел. Я ей сказала, что у нее гангрена и что ей надо немедленно отрезать палец, иначе сгниет вся рука. Наташа сделала вид, что испугалась, заревела и пожаловалась маме. Но она притворялась, это были не настоящие слезы, не то что у тебя. – Надин протягивает руку и аккуратно вытирает мне глаза.

– У Наташи такое же кольцо? Серебряное, с сердечками?

– Это не настоящее серебро, глупышка. Ты ведь не покупала это колечко, верно? Его прикрепили к обложке нового детского журнала «Влюбленные сердца».

– Да, не покупала, – шепчу я. – Мне его подарил Рассел.

А ведь все было так романтично. Вчера вечером Рассел пришел ко мне домой. Из-за дурацких уроков мы не встречаемся по четвергам – только по пятницам и субботам. К тому же Расселу приходится вставать каждое утро ни свет ни заря, поскольку он разносит газеты.

Газеты... Ах, вот оно что. Он никуда не ходил, не выбирал кольцо специально для меня. Он увидел его в киоске, когда забирал свою порцию газет, и отодрал от журнала комиксов.

– Рассел преподнес тебе бесплатный подарок от «Влюбленных сердец»? – удивляется Надин. Больше она не произносит ни слова. В этом нет надобности.

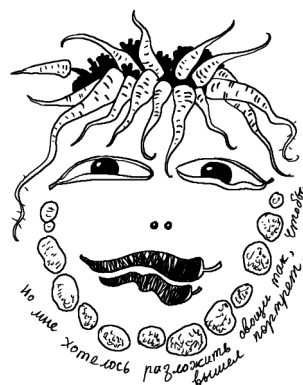
Ее тон мне неприятен. Ей никогда не нравился Рассел. Может, она чуть-чуть ревнует? Надин постоянно находит себе придурков, которые относятся к ней как к грязи. Рассел добрый, талантливый, умный. Он воспринимает меня как личность, как близкого друга. Он ни разу не пытался зайти в наших отношениях слишком далеко. Надин часто называла его раз-

мазней и намекала, что он не способен по уши влюбиться. Ничего подобного. Рассел бывает очень страстным. Вчера вечером, когда мы сидели у меня в комнате, я едва от него отбилась.

Рассел сказал Анне, что принес пастель для проекта по ИЗО. Он и вправду ее принес, и мы прошмыгнули ко мне наверх. Анна была слишком занята и ничего не заметила – она сражалась с Цыпой, стряпала ужин и одновременно колдовала над новой коллекцией свитеров с кроликами.

Мы с Расселом робко сидели на краешке кровати. Он показал, как пользоваться пастелью, хотя на самом деле я рисую такими мелками чуть ли не с семи лет. Потом сделал несколько набросков моего натюрморта с овощами: ярко-красные перцы, желтые початки кукурузы, а для контраста – фиолетовые баклажаны. Получилось очень живописно, но мне хотелось разложить овощи так, чтобы вышел портрет. Из крошечных молодых картофелин можно сделать лицо, из ярко-красных чилийских перчиков – губы, из гороха в стручках – глаза, а из крошечных морковок – волосы.

Я гордилась своей задумкой, но Рассел разнес мою идею в пух и прах. Сказал, что за несколько веков до меня такой натюрморт уже нарисовал какой-то итальянский художник. Может, не стоит ничего придумывать, а просто рисовать обычные натюрморты? Тем более что у Анны нет ни перцев, ни горошка. Единственное, что отыскалось в доме, это несколько крупных картофелин, пожелтевший кочан цветной капусты, завалившийся в холодильнике, и здоровенная упаковка замороженного горошка. Сомневаюсь, что старый мастер вдохновился бы этим жалким набором.

Рассел стал излагать свой взгляд на построение композиции, и я не сумела подавить в себе раздражение. При этом всеми клеточками я ощущала его теплое тело рядом с собой. Мне нравился его сосредоточенный взгляд, морщинка на лбу, два верхних зуба над полной нижней губой, бархатная кожа... Не удержавшись, я погладила его по щеке, а он повернулся и поцеловал меня. Альбом свалился на пол, пастель покатила по ковру, но нам было все равно.

Скоро нам стало неудобно сидеть прямо. Как-то само собой получилось, что мы откинулись на подушку и оказались в объятиях друг друга. Формально мы не были вместе в постели, но уж точно лежали на кровати. Было немного чудно, что вокруг царит девчачий беспорядок, за нами на подушке сидит развалившись мой старенький плюшевый мишка. Я закрыла глаза и сосредоточилась на Расселе.

Правда, уши оставались открытыми. Хлопнула входная дверь – наконец-то папа дома, он явно припозднился. Что-то крикнула Анна, и Цыпа заверещал как резаный – не самый романтичный звуковой фон. Затем раздались звуки шагов – это Цыпа неуклюже взбирался по лестнице. Шлеп, шлеп, шлеп. Мы отстранились друг от друга – испугались, что сейчас он ворвется в дверь.

Слава богу, пронесло, а вот папа вполне на это способен, если узнает, что я тут сижу наедине с Расселом.

– Извини! С моим семейством нам не будет покоя. – Я провожу рукой по непокорным кудрям.

– Ничего страшного, я все понимаю. – Рассел играет моими волосами. Берет локон, распрямляет его, а потом отпускает, чтобы он снова завился.

– Не волосы, а кошмар, – жалуясь я.

– А мне нравятся, – признается Рассел. – Я люблю тебя, Элли. – Он глядит на меня, на лице его играет улыбка. – Ой, чуть не забыл! У меня для тебя подарок.

Он шарит в кармане и вынимает оттуда небольшой круглый сверток в розовой бумаге. Я сразу же подумала про кольцо. А потом усомнилась. Нет, не глупи, Элли, кольцо – это чересчур восхитительно и романтично, а ты встречаешься с Расселом не так уж давно, тем более что сегодня не день твоего рождения и даже не Рождество. Наверное, это какой-то милый пустячок – шоколадка в форме сердечка, значок с надписью «Я тебя люблю» или талисман в виде медвежонка. Но я попала пальцем в небо. В свертке действительно лежало кольцо, красивое, изящное серебряное кольцо с сердечком.

– Ах, Рассел! – только и смогла я произнести, поскольку слова застряли в горле.

– Надень.

На какой палец примерить кольцо? Оно выглядит таким малюсеньким – может, на мизинец? И потом, если даже оно налезет на безымянный, Рассел может подумать, что я воспринимаю все чересчур серьезно и веду себя так, будто мы с ним обручились.

– Сам его мне надень, – предлагаю я.

Рассел потянулся ко мне и надел кольцо прямо на безымянный палец.

Я растаяла. И поклялась никогда не снимать кольцо. Но теперь, сдвинув его поближе к суставу, вижу, что кожа под ним стала грязно-зеленой.

– Ой, мамочки, придется тебе тоже отрезать палец, – шутит Надин, голос у нее мягкий и вкрадчивый.

– Ладно, плевать, пусть оно ничего не стоит. Все равно это колечко мне дороже всего на свете, потому что это подарок Рассела, – произношу я твердо.

И это действительно так – но куда приятнее было бы, если бы Рассел взял свои сбережения, отправился в ювелирный магазин и выбрал кольцо – специально для меня. Но если он отодрал его от обложки детского комикса – это совсем другое дело.

– Ну и отлично, – говорит Надин. – Ладно, давай я тебе дальше расскажу про этого парня. А вот и Магда. Значит, я расскажу вам обоим...

Но тут Надин запинается, и мы обе изумленно смотрим на Магду.

Глаза у нее покраснели и почти приблизились к цвету волос. По щекам градом катятся слезы.

3

Девчонки плачут, когда умирают их домашние животные

Магда никогда не плачет. Это у меня вечно глаза на мокром месте. И не только когда мне грустно. Я часто пускаю слезу, когда смотрю видео. Могу всплакнуть даже над мультиком. Только подумаю, как слониха Джамбо и слоненок Дамбо в отчаянии переплетают хоботы, и глаза у меня начинают щипать.

Еще я плачу от испуга. Помню, в начальной школе рыдала навзрыд, когда на меня кричала учительница. Теперь стараюсь по пустякам не распускать нюни, но до сих пор не переносу, когда на меня орут.

Я ужасно сентиментальная, и меня до слез умиляет всякая трогательная чепуха: котята, младенцы или мальчишки, солирующие в хоре. Надин подсмеивается над моей дуростью. Сама она на дух не переносит пушистиков. Но под настроение тоже не прочь пореветь. После разрыва с Лиамом она рыдала часами. Заводила песни о несчастной любви, лежала на кровати в своей черной комнате, и из глаз у нее били фонтаны слез.

Но Магда всегда была живой и жизнерадостной. Она вообще не из породы нытиков. Во всяком случае, она не допустит, чтобы потекла тушь. Магда красится каждый день, даже в школу (хотя нам это и не разрешается). Она из тех девчонок, которые не перестанут прихорашиваться, даже если объявят пожарную тревогу, завоют сирены, а двери будут лизать языки пламени.

Но сегодня на лице Магды нет ни грамма косметики и, похоже, она даже не расчесала свои малиновые кудри.

Я мигом забываю про Рассела и кольцо.

Надин забывает о своем супермене.

Мы бросаемся к Магде. Я обнимаю ее за талию. Надин нежно гладит по спине:

– Что с тобой, Магда?

– Ну же, Магда, не молчи.

– Я ее убила! – рыдает Магда. Она кладет взъерошенную голову мне на плечо и всхлипывает.

Мы с Надин разрезаем рты и странно переглядываемся.

– Кого ты убила, Магда? – лепечет Надин.

Надин постоянно грозит кого-то убить. Главным образом, своих сородичей. Чаще всего потенциальной жертвой становится младшая сестра Наташа, но когда Надин овладевает настроением серийного убийцы, она бормочет угрозы в адрес мамы, папы, бабушки и даже тетюшек. А вот Магда никогда не отличалась склонностью к убийствам.

– Помадочка, миленькая! – завывает Магда.

Помадка? Мне рисуется безумная картина: Магда молотком лупит по коробке со сливочной помадкой... и вдруг до меня доходит. Помадка – это хомячиха. Точнее, бывшая хомячиха. В начале девятого класса Магда встречалась с парнем по имени Грег. И этот Грег разводил хомяков и других грызунов: мышей, белых крыс, тушканчиков – словом, зверьков с дергающимися носиками и усиками. По словам Магды, комната у него походила на город Хамельн до прихода Крысолова¹. Когда у Греговой любимой хомячихи Голубушки появилось потомство, он предложил Магде взять одного хомячка. Это и была Помадка. Несколько

¹ По известной легенде, однажды в немецкий город Хамельн явился Крысолов и, играя на дудочке, увел в озеро всех мышей и крыс.

дней Магда не могла надышаться на свою новую пушистую подружку. Все уши мне с Надин прожужжала про то, что Помадка ест, как умывается и где спит.

А Помадка любила поспать. Магда не подозревала, что хомяки бодрствуют в основном по ночам. Она ожидала, что Помадка будет тихонько сидеть, поджав хвост (понятное дело, это было за пределами ее возможностей), и осваивать всякие трюки. Магда надеялась, что Помадка обучится по команде делать стойку, давать лапу и чистить усики. Но на попытки ее дрессировать хомячиха обращала ноль внимания. Она удирала в свой туннель из рулонов туалетной бумаги и пряталась в глубине, отказываясь вылезать.

Довольно скоро Магда охладела к своей питомице. Разуверилась в способностях Помадки и оставила попытки сделать из нее звезду арены. Рассказы о зверьке прекратились, и у меня полностью вылетело из головы, что у нее вообще есть хомяк.

– Короче, – продолжила Магда, – в автобусе я подседа к Грегу, и он опять стал со мной заигрывать. Я подумала: может, закрутить с ним по-новому? То есть он, конечно, отстойный...

– А то. – Надин закатывает подведенные карандашом глаза (она тоже не признает школьного запрета на косметику).

– Да, но в данную минуту мне не из кого особенно выбирать. – Магда хлопает носом.

– А у меня совсем наоборот! – восклицает Надин. – Слушай, Мэг, я только что рассказывала Элли, что познакомилась с потрясным парнем. Ну, не то чтобы познакомилась...

Магда так громко всхлипывает, что заглушает Надин.

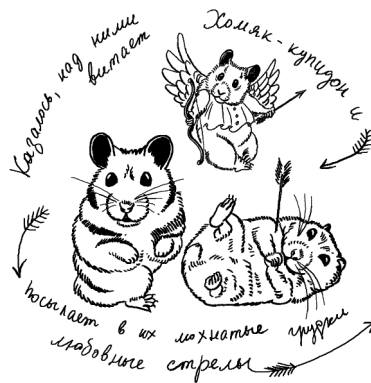
– Грег спросил, как поживает Помадка. Я ответила, что она почти ничего не делает. Грег был в ужасе. Объяснил, что я дурно ухаживаю за бедной маленькой Помадкой, абсолютно не понимаю ее потребностей, и я почувствовала себя ужасной гадиной. Я держала хомячиху в одиночестве в клетке, лишая любви. Да и клетка у нее не бог весть что. Сейчас продаются многоярусные суперклетки – с горками, туннелями и всякими прибабасами – настоящий Олтон-Тауэрс² для хомяков, а Помадкина клетка – самая обычная, без ничего, и она в ней сидела месяцами одна-одинешенька. Только вообразите, что бы мы чувствовали на ее месте! Грег предложил приобщить Помадку к светской жизни. Притащил мальчика-хомячка, миленького такого скромнягу. Хомяк-мачо мог напугать Помадку, ведь она еще ни с кем никогда не встречалась. Сказал, что если они поладят, то смогут жить вместе и у Помадки появятся детки. Но все пошло наперекосяк... Мы решили познакомить их на нейтральной территории и выпустили Помадку из клетки, я опустила на пол, а Грег вынул из кармана своего хомяка и... и...

– Он невзлюбил Помадку с первого взгляда и набросился на нее, как дикий зверь? – нетерпеливо подсказывает Надин.

– Да нет, они друг другу понравились. Носики у них задергались. Казалось, над ними витает хомяк-купидон и посылает в их мохнатые грудки любовные стрелы. Это было так тро-

² Популярный увеселительный парк в графстве Стаффордшир.

гательно! Мы с Грегом стояли на коленях и наблюдали за ними, как гордые родители. Воздух точно пропитался любовью, и это оказалось заразно. В общем, если честно, я взяла Грегa за руку, но чисто по-дружески. А он меня поцеловал. Кстати, он стал целоваться намного лучше. Нежнее. Раньше он присасывался к губам как пылесос...

Мы захихикали – и Магда вместе с нами, хотя в глазах у нее по-прежнему стояли слезы.

– А что потом? – поинтересовалась Надин. – Вы до такой степени увлеклись, что легли на пол и раздавили беднягу Помадку и ее мохнатого дружка в лепешку?

– Вечно ты все опошляешь, Надин, – сердится Магда. – Но то, что случилось, не многим лучше. В общем, как я уже говорила, у нас с Грегом слегка снесло крышу...

– Но ведь не окончательно? – не выдерживаю я.

Надин перестает ерзать и пристально смотрит на Магду:

– У вас это было, Мэг?

– Вы что – идиотки? Да не было у нас ничего. Думаете, я совсем полоумная? Грег, конечно, здорово целуется, но он ведь сопливый школьник. Нет, в первый раз все должно быть по-особому, красиво и романтично, и с парнем, который меня по-настоящему любит...

Я задумываюсь над ее словами.

– Со взрослым и ответственным человеком, – добавляет Магда.

Я со вздохом киваю.

Однако мы отклонились от темы. И мы опять возвращаемся к роману между двумя юными безответственными грызунами – по всей очевидности, весьма скоротечному.

– В конце концов я отпихнула Грегa и стала смотреть, как там моя Помадка, но она как сквозь землю провалилась. Хомяк Грегa оставался на месте, и вид у него был подозрительно довольный, будто он дал волю лапам и теперь хочет домой к приятелям похвастаться успехами. А Помадка как в воду канула.

Мы с Грегом ползали на четвереньках по всей комнате и звали ее. Грег даже ухитрился подлезть под кровать и извлечь оттуда пару розовых трусиков, которые я потеряла вечно назад. Было ужасно неловко. Но Помадки и след простыл. И тут я заметила, что дверь в комнату слегка приоткрыта – и сердце у меня екнуло.

Грег сунул своего хомяка в карман, и мы отправились искать Помадку – сначала в коридоре, потом в маминой и папиной спальне и наконец в комнатах братьев. Не самое приятное занятие – у них там мусора по колено и жутко воняет. Затем мы вскарабкались на самый верх лестницы, я поглядела вниз и...

– Только не это! – воскликнула я.

– Именно, – всхлипнула Магда. – На нижней ступеньке лежал маленький пушистый комок.

– Может, Помадка решила, что она лемминг, и бросилась в пропасть? – вступает Надин.

– Да помолчи ты, – бросаю я.

– Не думаю, что она хотела покончить с собой. Просто не смотрела под ноги. Бежала по лестничной площадке, огорошенная первым свиданием, и гадала, позовет ли он ее опять или их связь была случайной. Вдруг ковер кончился, и она кубарем покатила вниз, вниз, вниз. Все-таки я надеялась на чудо – что она выживет, но когда взяла Помадку в руки, голова у нее болталась точно на ниточке и было ясно, что она сломала себе шею.

– Во всяком случае, она не мучилась, – говорю я.

– А что ты сделала с ее телом? – интересуется Надин.

– Надин! – возмущаюсь я. Знаю, она гот, но порой ее просто заносит.

– Я положила ее в лучшую коробку из-под обуви «Пье-а-тер», – торжественно произносит Магда. – И сегодня собираюсь похоронить в саду.

– Отлично! Значит, после школы у нас будут похороны, – вступает Надин. – Мы все наденем черное, я сочиню хомячий реквием, ты прочтешь в память о Помадке стихи, и мы разрисуем обувную коробку так, чтобы она походила на гроб. А ты, Элли, сделаешь Помадкин портрет, закатаем его в целлофан и прикрепим к могильному камню.

Магде идея приходится по душе.

– Еще можно приготовить еду для поминок. Не обязательно как на настоящих похоронах. У нас все будет черное! Можно испечь торт из темного шоколада, он практически черный, и сделать черный вишневый творожный пирог. А еще – поднять по бокалу кока-колы в добрую память о бедняге Помадке, – предлагаю я. И вдруг вспоминаю: – Ой, я не могу. У меня свидание с Расселом.

– Можно устроить похороны сразу после уроков, – говорит Надин.

– Нет, он придет меня встречать, и мы пойдем к нему домой.

– Элли, твой Рассел никуда не денется. А Помадку надо срочно похоронить, иначе она начнет разлагаться, – настаивает Надин.

Магда издает тихий стон.

– Видишь, ты огорчаешь Мэг. Разве подруги не главнее всего на свете? Ты ведь сама нам это сто раз говорила, – не уступает Надин.

– С Расселом все по-другому. Он не просто парень. С ним у нас все серьезно, – отвечаю я, заливаясь краской. Опускаю глаза и смотрю на кольцо.

Наконец Магда замечает мое украшение, рот у нее открывается от изумления.

– Рассел подарил тебе кольцо?

– Ага, бесплатное приложение к детскому комиксу, – язвит Надин.

– Мне все равно, откуда он его взял. Главное – это чувства, – изрекаю я высокомерно. – Мне мое колечко дороже самого большого бриллианта.

Я гордо верчу кольцо на пальце, стараясь не оголять участок кожи, в который въелась безобразная зелень.

И все-таки, по-моему, Надин, если так можно выразиться, грызет зеленая зависть. Наверное, это потому, что с Лиамом вышел прокол. У нас с Расселом любовь. И мы собираемся оставаться вместе до гробовой доски.

4

Девчонки плачут, когда им не нравится, как они выглядят

Рассел дожидается меня возле школы. Я замечаю его, как только мы с Магдой и Надин выходим на площадку. Он машет мне рукой, и я робко машу в ответ. На нас глазеют девчонки. Мне жутко неловко, но вместе с тем я очень горда собой. Классно, что у меня есть бойфренд и что он меня встречает. Рассел выглядит потрясающе, даже в школьной форме.

Моя же школьная форма – конец света. Хотя я очень старалась предстать перед Расселом в лучшем виде, свитер у меня заляпан краской, юбка мягкая, туфли в грязи – я так торопилась на ИЗО, что срезала путь через площадку. К тому же утром я не нашла ни одних целых колготок и точно малое дитя натянула носки, которые спадали и на лодыжках морщились гармошкой.

На Рассела пялятся девятиклассницы – оглядывают его с головы до ног и явно сражены наповал.

Но Магда и Надин даже бровью не ведут.

– Элли, ты бы сводила его в парикмахерскую. В этом году уже не носят длинную челку, – бесцеремонно замечает Магда.

– Ты уверена, что он в одиннадцатом? Вид у него какой-то несолидный, – подхватывает Надин. – По-моему, встречаться со школьником – пустая трата времени.

Я знаю, они меня элементарно подкалывают. Без всякого умысла. Но все равно досадно.

– У Рассела чудесные волосы. Я против того, чтобы он стригся. И выглядит он лет на шестнадцать минимум. А сколько лет твоему новому парню, Надин?

– Какому еще новому парню?

Надин напускает на себя таинственность и постукивает по носу.

– Ну, если вам так уж важно это знать... Ему девятнадцать!

– Слушай, Надди! Неужели история с Лиамом тебя ничему не научила? – охаю я.

– Лиам – дурак и ничтожество, а Эллис совсем не такой.

– Эллис?

– Ну да, Эллис Треверс. Правда, классно звучит?

– Тогда скажи на милость, зачем твоему девятнадцатилетнему Эллису девятиклашка? – наседаю я. – По-моему, тут все шито белыми нитками.

– Думай как тебе больше нравится, Элли, мне все равно.

А вот мне нет. Рассел хмурится и машет еще сильнее. Видно, недоумевает, почему я не бросаюсь к нему со всех ног. Но мне важно побольше узнать про нового парня Надин. Она меня просто бесит. Зачем, спрашивается?

– Ему правда девятнадцать? – интересуется Магда.

Видно, ее это тоже раздражает. Ведь она красавица, и это за ней табунами должны бегать мальчишки. Но все, что у нее имеется, – это вялотекущий роман с Грегом, тогда как у меня есть настоящий бойфренд, а теперь и Надин отхватила себе девятнадцатилетнего ухажера...

– Он всего-навсего на пять лет меня старше. Не такая уж смертельная разница, – беспечно отвечает Надин.

Какая досада, что Надин и Магде уже четырнадцать. Мне всего тринадцать. А в школьной форме я выгляжу вообще на двенадцать – и ни на день старше.

– Элли!

Рассел зовет меня. Надо идти. Надин собирается к Магде хоронить Помадку, и она ей все расскажет про Эллиса. Если Магда и Надин будут секретничать, а меня оставят в стороне – я этого не переживу.

Я стою столбом и ковыряю носком туфли землю. Рассел бросает на меня последний сердитый взгляд. Спрыгивает со школьной ограды и собирается уходить. Надо срочно его догнать. Я быстро чмокаю Магду в щеку – в знак извинения, что меня не будет на похоронах. Надин тоже чмокаю, пусть помнит, что она мне названная сестра еще с детского сада, с тех самых пор, как мы вымазали себе запястья вместо крови конфетами «Смартиз». Это намек на то, чтобы без меня не рассказывала про Эллиса.

Хотя Эллис меня сейчас волнует меньше всего. У Рассела такой шикарный вид, что мне даже страшновато встречаться с его отцом. Они живут в другой части города, в элитном районе. Дома там стоят целое состояние. Правда, у Рассела с папой и его подругой Синтией там всего лишь квартира с садом, но все равно это высший класс.

Рассел даже не оборачивается, когда я его окликаю. Я несусь за ним как ненормальная в тяжелых школьных туфлях и еле-еле его догоняю.

– Эй, Рассел, подожди! Что на тебя нашло? – Приходится повиснуть у него на руке, иначе он не останавливается.

– Это ты, Элли? Вот и отлично. Значит, я больше не невидимка? – произносит он с сарказмом.

– Что ты мелешь? Почему ты убежал без меня? Мы ведь идем к тебе, правильно?

– Я тоже так думал, но, по-моему, тебе интереснее торчать возле школы с подругами и трепаться с ними битых полчаса.

– Какие полчаса! Не глупи. От силы полминуты!

– Вы способны чесать языки круглые сутки.

– Мы не чешем языки. Слышишь, Рассел, это мои подруги.

– Не понимаю, что ты в них нашла. У твоей Надин такой вид, будто она висит вверх ногами в пещере вместе с летучими мышами, а Магда...

– Что – Магда? – спрашиваю я резко.

– Она на редкость заурядная – штукатурка, прикид и эти самые... – Рассел очерчивает руками полукружия, намекая на грудь.

– Сегодня она не накрашена, а фигура – это вообще от природы. Хотела бы я иметь такую внешность, как у Магды.

– Я рад, что ты на нее не похожа, Элли. Ты мне нравишься такой, какая ты есть, – наконец-то Рассел смотрит на меня по-человечески. Затем переводит взгляд на мою руку.

– Носишь мое колечко? – голос у него смягчается.

– Естественно, ношу. И не собираюсь снимать.

Не стану же я ему выкладывать про детский комикс. И какая, по сути, разница? Мне все равно, пусть даже кольцо сделано из фольги. Мне оно нравится, потому что я люблю Рассела. Здорово, что он больше не сердится. Он кладет руку мне на плечо и целует в щеку. Раздается идиотское хихиканье и посвистывание. Нас обгоняет стайка семиклашек. Я стараюсь не обращать на них внимания, хотя и заливаюсь краской!

– У тебя чудесная кожа, – замечает Рассел. – Люблю твои розовые щечки.

Весь мир становится розовым. Значит, Рассела не смущает, что я то и дело краснею. Ему это даже нравится. Кожа у меня уж точно далека от идеала. На ней заметны отвратительные черные точки, а нос блестит так, что впору в него смотреться как в зеркало, хотя я на скорую руку и припудрила его в раздевалке (плюс побрызгалась дезодорантом, пригладила щеткой волосы и почистила зубы).

Мы идем как настоящая парочка, Рассел обнимает меня за плечи. Я помещаюсь у него под мышкой, мне там хорошо и уютно.

— Элли, ты такая маленькая, — он стискивает мне плечо.

Мне нравится слышать, что я маленькая. Я сразу себя чувствую крошечным воздушным эльфом, а не унылым и пухлым карликом. До чего же здорово, здорово, здорово, что у меня есть такой бойфренд, как Рассел. Мы встречаемся уже несколько недель, а я все еще не верю своему счастью. Я дотрагиваюсь до кольца. Может быть, мы будем вместе месяцы, годы и в один прекрасный день вместо этого колечка у меня появится настоящее.

Никогда не испытывала ничего подобного — никогда, никогда. Рассел у меня не первый парень, хотя тормознутый Дэн, можно сказать, не в счет. Мы скорее дружили. Пару раз целовались, и все. Иногда нам бывало вместе весело, но с ним я никогда не чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Губы у меня сами складываются в улыбку, и я напеваю про себя имя Рассела.

Он мой сердечный друг, моя вторая половинка. До недавнего времени я не понимала всей степени своего одиночества. Со дня маминей смерти я ощущала внутри какую-то пустоту. Разумеется, у меня есть папа, и я его люблю. Теперь я люблю Анну. И даже Цыпу. Но это совсем другое. У меня есть Магда и Надин, и они останутся моими лучшими подругами до гробовой доски, но бойфренд — это совсем другое. Мы классно общаемся, устраиваем девчачьи посиделки, но сердце у меня не колотится, когда меня обнимает Надин, а пульс не стучит как бешеный при звуке Магдиного голоса. Я очень люблю их обеих, но это не то же самое, что влюбленность.

Понятное дело, я провожу с подругами слишком много времени, и Расселу это надоело. Но ведь достаточно мельком взглянуть на меня, чтобы убедиться — он на первом месте. Первом, и последнем, и на всех промежуточных.

Я еще крепче прижимаюсь к нему, и он целует меня в макушку.

— Прости, Элли, я сорвался, — шепчет он.

— Прости, что заставила тебя торчать возле школы, — шепчу я в ответ.

— Ладно, пошли ко мне, — говорит Рассел, обнимая меня. — Папа и Синтия на работе, так что у нас с тобой в распоряжении почти целый час.

Сердце у меня колотится все сильнее, сильнее и сильнее...

5

Девчонки плачут, когда крадут их идеи

Квартира у Рассела – просто сказка. Огромная – в ней мог бы уместиться весь наш дом. Кругом идеальный порядок. Гигантские кремовые диваны без единого пятнышка. На полках строгими рядами выстроилось богемское стекло. Даже глянцевого журналы на кофейном столике разложены с геометрической точностью. Если у папы Рассела с Синтией когда-нибудь появятся дети, боюсь, их ждет неприятный сюрприз. А окажись здесь Цыпа минут на десять – одни небеса знают, какой кавардак он бы учинил.

– Красиво, – говорю я вежливо, робко ставя свой выдавший виды рюкзак на светлый ковер.

– Тоска зеленая, точно мебельный магазин, – тянет Рассел. – Не похоже на дом.

На мгновение он перестает быть бойфрендом двумя годами старше. Выглядит как брошенный ребенок – голова поникла, челка свешивается на глаза. Подхожу и обвиваю его руками. Хочется его утешить, показать, что я его понимаю, знаю, каково это – приравниваться к вкусам папиной подруги.

Но он неверно истолковывает мой жест. Обхватывает за талию, крепко прижимает к себе и начинает целовать. Запускает руки в волосы, пальцем поглаживает ухо, нежно покусывая мочку, продвигается к шее, к тому месту, где она переходит в плечо. Затем осторожно расстегивает школьную блузку...

– Нет, Рассел, не надо! Прекрати, пожалуйста, прекрати.

Мне ужасно хорошо – только страшновато. Не хочется заходить слишком далеко. И потом – вдруг папа Рассела или Синтия вернутся домой раньше времени и застукают нас на ослепительном кремовом диване.

– Можно пойти ко мне в комнату, – шепчет мне на ухо Рассел.

– Нет! Послушай, я ведь сказала... не хочу.

– Нет хочешь.

– Хорошо, конечно хочу, но все равно не буду.

– Даже при том, что мы любим друг друга? – Рассел берет мою руку в свою и целует кольцо на пальце.

– Вот именно. – Я отстраняюсь от него, одергиваю одежду и стараюсь собраться с мыслями – я вся в жару, руки-ноги дрожат, и я так его люблю, что вот-вот потеряю остаток благоразумия...

Я направляюсь к нему в комнату. Говорю, что мне хочется посмотреть, как он живет. Здесь все выглядит совершенно потрясно, ни капельки не похоже на обиталище недоразвитого школьника – никакого беспорядка: разбросанных носков, липких кружечек и засохших объедков. Комната у Рассела суперстильная – на окнах кремовые жалюзи, пол застлан темно-коричневым ковром, на стене висят гитара и плакат с певцом соул. Фантастический письменный стол со скошенной как у парты поверхностью, высокий белый табурет с лампой над ним, краски, пастели, цветные карандаши, стопка блокнотов и альбомов для рисования. Я замечаю наброски очаровательного мультяшного слоненка. Он смахивает на моего слоника Элли, которого я рисую на всех школьных тетрадях и изображаю в конце писем рядом с именем.

– Это слоник Элли.

– Не Элли, а просто слоник, – говорит Рассел.

К верхнему наброску клипсой прикреплен розовый листок, на котором что-то написано. Я к нему приглядываюсь, хотя Рассел пытается меня оттащить, приподнимает волосы и настойчиво целует в шею. Это объявление о конкурсе детского рисунка, в котором также могут участвовать и подростки. Участникам надо придумать мультипликационный персонаж. На основе работ победителя будет снят всамделишный мультфильм и, возможно, его покажут по телевизору. Среди членов жюри – Никола Шарп! Она мой самый любимый детский иллюстратор – обожаю ее книжки про прикольных фей.

– Вот здорово! Рассел, а почему ты мне ничего не сказал про конкурс? Я тоже хочу поучаствовать.

– Ты опоздала, Элли. Все сроки давно истекли. Я уже послал свой рисунок.

– И кого ты нарисовал?

– Ну, ясно, кого... – бурчит Рассел и указывает пальцем на слонят.

– Но ведь это я придумала! – меня захлестывает возмущение.

– Ничего подобного. У слоника Элли уши гораздо больше, хобот не такой морщинистый и совсем другое выражение.

– А вот и нет. Когда слоник Элли счастлив, он тоже отставляет ногу и высоко задирает хобот, – я тычу пальцем в рисунок Рассела.

– Все счастливые слоны одинаковые, – Рассел легонько щелкает меня по носу. – Не дуйся, Элли. У тебя нет авторского права на всех мультяшных слоников.

Он пытается меня поцеловать, и я ему отвечаю, но без прежнего пыла. Он украл у меня слоника Элли. Моего слоника. Я чувствую себя малышом, у которого отняли любимую плюшевую игрушку. Понимаю, что веду себя по-детски, но мне обидно до слез. И до чего низко с его стороны – ни словом не заикнуться про конкурс. Мы ведь могли бы вместе к нему готовиться. Но теперь это уже не важно. Подам работу самостоятельно. А Рассела даже спрашивать не буду. Вообще ничего ему не скажу.

Рассел пытается уложить меня рядом с собой на темно-коричневую кровать, но у меня пропало все настроение. Настает его очередь дуться. Но когда я начинаю рассматривать книги на полках, он оживает. У Рассела полно альбомов по искусству, зачитанные издания «Гарри Поттера» и Филиппа Пулмана, полное собрание Терри Пратчетта, «Властелин колец», несколько романов Стивена Кинга, несколько – Ирвина Уэлша и Уилла Селфа и замусоленные выпуски про паровозик Томас. Одним глазком я заглядываю в шкаф и нахожу там несколько потертых плюшевых медведей и армию игрушечных солдатиков в отделении для свитеров.

Когда с работы возвращается Синтия, у нас весь ковер заставлен солдатиками и война в самом разгаре. Вид у Синтии потрясающий – рыжие волосы, изящный кремовый костюм, куча золотых украшений. Очень эффектная женщина, хотя и не первой молодости. Синтия лезет из кожи вон, стараясь нам угодить, – угощает настоящим кофе и американскими шоколадными кексами, задает всякие вопросы для поддержания разговора. Я изображаю самую вежливость, но Рассел не слишком себя утруждает и в ответ только что-то бурчит.

Неужели я была такой же врединой, когда Анна только-только переехала к нам и стала жить вместе с папой? Возможно, еще хуже. Должно быть, Анне жизнь в ту пору казалась сущим адом, тем более что она была всего лишь студенткой. Надо почаще ей помогать. Она много работает и постоянно придумывает новые фасоны свитеров, а папа – типичный ретроград, он, как всякий мужчина, только ворчит, бранится и порой бывает несноснее Цыпы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.